

УДК 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.3.148.155>

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ВЕНГРАМИ И МОНГОЛАМИ

© 2021 г. В.А. Иванов

Статья посвящена характеристике этнокультурной ситуации в Южном Предуралье в X–XI вв. по археологическим данным. По мнению автора, в лесах региона продолжала сохраняться этническая доминанта угорского населения – носителей петрогромской и постпетрогромской культур, занявших эту территорию после ухода древних угров-мадьяр на запад. Они составляли западную часть этнокультурного ареала (ЭКА) угорских племен Зауралья и Западной Сибири. В это же время в степях Южного Предуралья кочуют племена огузов и печенегов. Волжская Булгария, переживавшая в указанное время период своего наивысшего социально-экономического и политического подъема, активно осваивала лесные пространства Прикамья и Предуралья. Поэтому объективно она сыграла роль ареалообразующего фактора угорских племен региона. Что касается кочевников Степного Предуралья – огузов и печенегов – то, по имеющимся археологическим материалам, культурное влияние Волжской Булгарии на них не прослеживается.

Ключевые слова: археология, угры, огузы, печенеги, Волжская Булгария, постпетрогромский тип, аридизация, гумидизация.

ETHNIC-CULTURAL MAP OF THE SOUTHERN PRE-URALS REGION IN THE PERIOD BETWEEN THE HUNGARIANS AND THE MONGOLS

V. A. Ivanov

The paper characterizes the ethnic-cultural situation in the Southern Cis-Urals in the 10th–11th centuries on the basis of archaeological data. In the author's opinion, the ethnic dominant of the Ugric population remained in the forests of the region – the carriers of the Petrogrom and post-Petrogrom cultures, who occupied this territory after the migration of the ancient Magyar Ugrians to the west. They formed the western portion of the ethnic-cultural area (ECA) of the Ugric tribes of the Trans-Urals and Western Siberia. At the same time, the tribes of the Oguz and Pechenegs roamed the steppes of the Southern Cis-Urals. Volga Bolgaria, which then experienced the period of its highest socio-economic and political upsurge, was actively developing the forest areas of the Kama region and the Pre-Urals. Therefore, it objectively played the role of the area-forming factor for the Ugric tribes of the region. As for the nomads of the Steppe Cis-Urals – the Oguz and Pechenegs – no cultural influence of Volga Bolgaria on them has been traced on the basis of the available archaeological materials.

Keywords: archaeology, Ugrians, Oguz, Pechenegs, Volga Bolgaria, post-Petrogrom type, aridization, humidization.

Содержание этнокультурных процессов в Южном Предуралье в эпоху раннего Средневековья в настоящее время представляется наиболее полно освещенным в двух контекстах: Уральская прародина древних угров-мадьяр в VIII–IX вв. (проблема *Magna Hungaria*) (Белавин и др., 2015) и население региона в составе Золотой Орды в XIII–XIV вв. (Иванов, 2016). Промежуток между этими двумя хронологическими периодами в восприятии исследователей региона разбивается на два сюжета, синхронных, но друг от друга независимых. Это угры Предуралья в X–XIV вв. (Гарустович, 2015; Белавин, Иванов, 2016) и огузы и печенеги в степях Урало-Поволжья (Иванов и др., 2014).

Примечательно так же и то, что пребывание угров и тюркоязычных кочевников (огузов,

печенегов, а затем и кыпчаков-половцев) в Южном Предуралье осуществлялось на фоне максимального роста территории Волжской Булгарии – единственного в Урало-Поволжье раннефеодального государства (Хузин, 2006, с. 44–50).

Цель настоящей статьи – проанализировать археологическую карту Южного Предуралья X–XIII вв., то есть того периода, когда древние мадьяры-венгры в основной своей массе уже ушли из региона («семь племен Хетумогер»), а до монгольского вторжения в Восточную Европу было ещё очень далеко¹. И поскольку этнокультурная составляющая этой карты сейчас в общих чертах определена и не вызывает серьезных возражений у большинства современных исследователей, то результаты археолого-географического анали-

за имеющихся археологических материалов могут внести дополнительную определенность и в этническую карту Урало-Поволжья в указанный период.

Прежде всего, следует дать характеристику той природно-климатической ситуации, которая имела место в Урало-Поволжском регионе в интересующий нас период. Она восстанавливается по данным палеопочвоведения и палинологии.

По этим данным, конец I – начало II тыс. н. э. для Урало-Поволжского региона были временем повышенной аридизации лесной ландшафтной зоны и гумидизации степной². В климатическом контексте это уменьшение увлажненности с одновременным потеплением климата в лесах региона (сокращение количества осадков, понижение уровня грунтовых вод, высыхание болот и заболачивание озер³, сокращение северной и южной границ широколиственных лесов: северная сдвигается на юг, южная сдвигается к северу под натиском наступающей степи (Смирнова, Турубанова, 2003, с. 35; Аськеев И.В. и др., 2009, с. 70). Обозначить эти границы достаточно сложно. Хотя сейчас известны по крайней мере две точки – городище Уфа II в Предуралье и Казань на Средней Волге, показывающие, что в разных концах Урало-Поволжского региона в рассматриваемое время наблюдается одна и та же ландшафтная ситуация – пограничная зона между широколиственными лесами и лесостепью (Аськеев И.В. и др., 2009, с. 70; Курманов, 2015).

В степях региона в это же время (рубеж IX–X вв.) ситуация приближается к современной (примерно середина XX в.), а затем изменяется в сторону повышения гумидизации (Якимов и др., 2007, с. 195).

Археологическая карта Прикамья и Предуралья в означенный период выглядит следующим образом: лесная зона региона продолжает оставаться ареалом расселения угорских племен, оставивших памятники ломоватовско-поломского и петрогромско-мрясимовского типов. Отличительной особенностью материальной культуры этих памятников является керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией.

С точки зрения археологической морфологии, керамика со шнуро-гребенчатой орнаментацией не представляет типологического «монолита». Так, сосуды ломоватовско-поломских памятников лесного Прикамья хотя и отличаются разнообразием керамических форм, но преобладают среди них сосуды

низких пропорций с широкой отогнутой наружу горловиной, тогда как среди неволинской керамики явно доминируют сосуды с прямыми шейками (Белавин и др., 2009, с. 125–145).

В отличие от них для «постпетрогромской» керамики Волжской Булгарии характерны «гибридные» сосуды, сочетающие в себе высокую цилиндрическую шейку, посаженную на приплюснутое тулово (Казаков, 2007, с. 52–55).

В наиболее «чистом» виде петрогромские/постпетрогромские сосуды представлены в курганах «мрясимовского» типа на Южном Урале – Мрясимовских, Каранаевских, Идельбаевских, Бакалинских (рис. 1).

Различается и погребальный обряд могильников указанных типов. Так, в Прикамье и в начале II тыс. н. э. сохраняется обряд захоронения в бескурганных могильниках. Яркий тому пример Кишертский, Огурдинский, Рождественский могильники (Белавин, Крыласова, 2012, с. 205–206; 2009, с. 92–102; Пастушенко, 2005–2006).

Погребальный обряд могильников «мрясимовского типа», локализованных в лесах Южного Предуралья, суммарно характеризуется следующими признаками: захоронения под земляными насыпями, в большинстве случаев (около 60% от 51 кургана) содержащие по одной могиле; 47% известных курганов содержали в насыпи следы ритуального конского жертвоприношения: черепа, кости ног лошади; почти в половине всех исследованных погребений – остатки заупокойной пищи (конины) в виде плечевых костей лошади, уложенных в изголовье могилы или у ног погребенного. В одном случае (Мрясимовский могильник, к. 21) рядом с человеческим захоронением в отдельной яме находилось захоронение целой туши взнузданного и оседланного коня. Абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе. Погребальный инвентарь состоит из предметов конской упряжи, оружия и женских украшений. Глиняные сосуды помещали только в женские и детские могилы (Гарустович, 2011; 2015, с. 185–187).

В первой четверти IX в. северо-западная оконечность Кунгурско-Месягутовской лесостепи обезлюдилась. Племена неволинской археологической культуры в массовом порядке покидают эту территорию. Часть их ушла севернее, на берега Чусовой и Обвы, где их присутствие фиксируется по т. н. «постневолинской» керамике (т. е. посуде с сохранением неволинских черт, но в слоях X в.). Часть

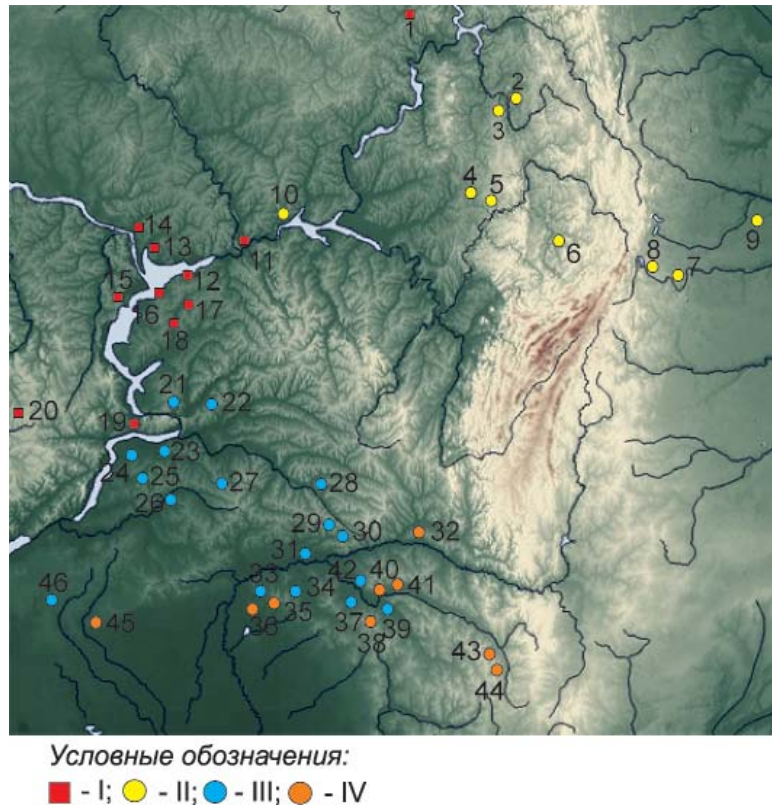

Рис. 1. Карта памятников X-XI вв. в Урало-Поволжье.

Условные обозначения: I – города Волжской Булгарии (по Ф.Ш.Хузину); II – могильники «постпетрогромского типа» (угры) (по Г.Н.Гарустовичу); III – курганы печенегов; IV – курганы огузов.

1 – Рождественское (Афкула); (село Рождественск) 2 – Кишертский (д. Усть-Кишерть); 3 – «Селянино Озеро» (местность с таким же названием); 4 – Бакалинские (дер. Бакалы); 5 – Мрясимовский (с. Мрясимово); 6 – Каранаевский (с.Каранаево); 7 – Смолино (оз. Смолино); 8 – Миасские (город Миасс); 9 – Замараевский (д. Замараево); 10 – Тураевский (дер. Тураево); 11 – Алабуга (г. Елабуга); 12 – Джукетау; 13 – Кашан; 14 – Казань; 15 – Ошель; 16 – Болгар (Бряхимов); 17 – Биляр; 18 – Сувар; 19 – Муромский; 20 – Юлувское (Буртас?); 21 – «Золотая Нива» (совхоз «Золотая Нива»); 22 – Васильевский; 23 – Кировский II (совхоз им. Кирова); 24 – Красный Октябрь (свх. «Красный Октябрь»); 25 – Осинковский (дер. Осинки); 26 – Александровский (сел. Александровка); 27 – Волчанское (дер. Волчанка); 28 – Сорочинское (гор. Сорочинск); 29 – Яман (с. Яман); 30 – Красный (пос. Красный); 31 – Рубежинский (пос. Рубежинский); 32 – Алебастровая гора (местность Алебастровая гора); 33 – Челкар III (озеро Челкар/Шалкар); 34 – Лебедевка (пос. Лебедевка); 35 – Челкар II, IV, V; 36 – Челкар ((озеро Челкар/Шалкар); 37 – Покровский (дер. Покровка); 38 – Болгарка I (дер. Болгарка); 39 – Буранный (пос. Буранный); 40 – Тамар-Уткуль (с. Тамар-Уткуль); 41 – Увак (пос. Увак); 42 – Пчельник (местность Пчельник); 43 – Жаман-Каргала (пос. Жаман-Каргала); 44 – Жаман-Каргала I ((пос. Жаман-Каргала); 45 – хутор Ст.Разина; 46 – Кураевский сад (колония Кураевский сад)

Fig. 1. Map of 10th-11th century sites in the Ural-Volga region.

Legend: I – towns of Volga Bulgaria (after F.Sh. Khuzin); II – burial grounds of the “post-Petrogrom type” (the Ugrians) (after G.N. Garustovich); III – barrows of the the Pechenegs; IV – barrows of the Oguz. 1 – Rozhdestvensk (Afkula); 2 – Kishert’; 3 – “Selyanino Ozero”; 4 – Bakaly; 5 – Mryasimovo; 6 – Karanaevo; 7 – Smolino; 8 – Miass; 9 – Zamaraevo; 10 – Turaevo; 11 – Alabuga; 12 – Juketau; 13 – Kashan; 14 – Kazan; 15 – Oshel’; 16 – Bolgar (Bryakhimov); 17 – Bilyar; 18 – Suvar; 19 – Muromsky; 20 – Yuluvo (Burtas?); 21 – “Zolotaya Niva”; 22 – Vasilievsky; 23 – Kirovsky II; 24 – Krasny Oktyabr’; 25 – Osinki; 26 – Alexandrovka; 27 – Volchanka; 28 – Sorochinsk; 29 – Yaman; 30 – Krasny; 31 – Rubezhinsky; 32 – Alebastrovaya gora; 33 – Chelkar III; 34 – Lebedevka; 35 – Chelkar II, IV, V; 36 – Chelkar; 37 – Pokrovka; 38 – Bolgarka I; 39 – Buranny; 40 – Tamar-Utkul; 41 – Uvak; 42 – Pchelnic; 43 – Zhaman-Kargala; 44 – Zhaman-Kargala I; 45 – Khutor Stepana Razina; 46 – Kuraevsky Sad

переселилась в Волжскую Булгарию, где это население, благодаря своеобразной керамике с резной орнаментацией, хорошо заметно (Казаков, 2007, с. 51–59). Большая часть «неволинцев», скорее всего, ушла вместе с другими угро-мадьярскими племенами на запад.

Степная зона Южного Предуралья в конце IX – первой половине XI вв. становится ареалом расселения тюркоязычных кочевников – огузов и печенегов. Их библиография в регионе обширна, поэтому здесь ограничусь общей, суммарной характеристикой археологической культуры указанных племен:

Для огузов – впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждой насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто на спине, головой на запад, в сопровождении шкуры взнузданного и оседланного коня, уложенной на перекрытие над человеком, с богато украшенным конским изголовьем, прямоугольными подпружными пряжками, поясами с цельнолитыми овальнорамчатыми пряжками и орнаментированными наконечниками, птицевидными подвесками, копоушками, декоративными дисками и перстнями салтовского типа.

Для печенегов – основные и впускные погребения, иногда по два под одной насыпью, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, встречаются дощатые гробы, шкура коня – на дне могилы слева от человека, конь взнуздан и оседлан, часто в могилах встречаются кости барана, конская сбруя состоит из удил без перегиба и стремян различных типов, украшена сбруя прорезными бубенчиками, вместе с погребенным – лук со срединными костяными накладками, пояс с треугольнорамчатой, прямоугольной или лировидной пряжкой, глиняный лепной кувшин или плоскодонный горшок (Иванов и др., 2014, с. 124–136).

География памятников указанных типов – это зона предуральско-заволжских типчаково-ковыльных степей, между Самарской Лукой на севере и границами Прикаспийских полупустынь на юге.

В районе Самарской Луки кочевья печенегов вплотную подходили к южным рубежам домонгольской Волжской Булгарии, восточные границы которой проходили в X–XI вв. по низовьям рр. Ик, Иж, верховьям Зая, Шешмы и Большого Черемшана. То есть по западным склонам Бугульминско-Белебеевской возвышенности (Хузин, 2006а, с. 132–136).

Итак, этнокультурная ситуация в Урало-Поволжском регионе в X–XI и XII вв. в общем ясна: лесное Прикамье и Предуралье являлись ареалом расселения носителей культур с гребенчато-шнуровой керамикой, в X–XII вв. обитавших по обе стороны Уральского хребта. Если исходить из опубликованных карт, то памятники с гребенчато-шнуровой керамикой лесного Прикамья и Предуралья (петрогромского или предчияликского типа) составляли западную периферию **петрогромско-юдинского историко-культурного горизонта VIII–XV вв.** (Боталов, 2016, с. 512, рис. 18).

В свое время нами было выдвинуто предложение рассматривать эти памятники как часть **этнокультурного ареала (ЭКА) культур со штампо-гребенчатой керамикой лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири** (культур угорских) (Гарустович, Иванов, 1992, с. 24). Понятие «этнокультурный ареал» (ЭКА) сформулировано без малого 40 лет тому назад Г.Д. Савиновым. Поскольку современные исследователи в большинстве своем в своих работах равно не используют ни того, ни другого понятия, напомним определение ЭКА, данное его автором: «Под этнокультурным ареалом (ЭКА) понимается территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность... С точки зрения археологии ЭКА представляет собой атрибут археологической культуры, точнее, ее пространственно-культурное выражение **на определенном хронологическом срезе** (выделено мной – *авт.*)⁴... В пределах каждого ЭКА возможно как сплошное, так и дисперсное расселение носителей данного этнонима (политонима), узкая этническая принадлежность которых (по языку, происхождению и т. д.) может быть различной. В силу последнего обстоятельства на одной территории в одно и то же время могут быть представлены археологические памятники, различающиеся по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традиционным культурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА» (Савинов, 1984, с. 48).

Население северной части прикамско-предуральской периферии угорского ЭКА в X–XII вв. подпадает под сильное культурно-экономическое воздействие Волжской Булгарии, вступившей в это время в период своего наивысшего подъема. По определению Р.Г. Кузеева, именно территория этого государства, плотно заселенная, население которой характеризовалось более высокой культурой, составляла в указанное время основу Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО): «Именно здесь на относительно компактной площади протекал первоначально наиболее активный процесс финно-угорско-тюркского этнокультурного взаимодействия, расширяясь постепенно на периферию этой зоны. На этой же территории с выгодным географическим положением на крупных водных артериях, в благоприят-

ных экологических условиях для земледельческого хозяйства сформировалось первое феодальное государство в регионе – Волжская Болгария, **сыгравшая роль крупного ареалообразующего и этноконсолидирующего фактора для всего региона** (выделено мной – авт.)» (Кузеев, Иванов, 1984, с. 5).

В первую очередь это проявилось в проникновении болгар далеко на север лесного Прикамья и распространении элементов болгарской культуры среди местного населения (археологический комплекс у с. Рождественно на р. Обва – Древняя Афкула, городище Иднакар на Чепце и др.) (Белавин, Крыласова, 2008; История Удмуртии..., 2007, с. 271).

Чего не наблюдается в отношении кочевников степей Заволжья и Южного Предуралья – огузов и печенегов. От угров лесного и лесостепного Предуралья их отделяли отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности. С точки зрения хозяйственного освоения для эпохи раннего Средневековья эта территория ни для земледельцев, ни для кочевников ценности не представляла по целому ряду природно-географических условий. Во-первых, ее абсолютная высота колеблется от 200 до 480 м, причем повышается именно к югу, к степи. Во-вторых, в силу этого обстоятельства снег на ее склонах сохраняется до начала мая. В-третьих, поверхность возвышенности сильно изрезана руслами стекающих с нее рек и оврагами, на склонах которых трава уже к началу августа выгорает⁵.

Поэтому Бугульминско-Белебеевская возвышенность, географически расположенная между миром полуоседлых угров лесной зоны Предуралья, оседло-земледельческим и торгово-ремесленным населением Волжской Болгарии и кочевниками степного Заволжья и Предуралья, являлась не интегрирующим компонентом Волго-Уральской ИЭО (по Р.Г. Кузееву), а буферной зоной.

Примечания:

¹ Конечно, если подходить со всей строгостью, то временные рамки указанного периода должны определяться второй половиной IX и первой половиной XIII вв. Но пока разработанная хронологизация имеющегося археологического материала не дает возможности выделять хронологические комплексы, выступающие в роли календарных реперов для того или иного столетия.

² В данном случае понятие «повышенная» приводится относительно условий примерно середины XX в. (Демкин, Демкина, 1999, с. 368, рис. 2).

³ Для севера Восточной Европы – наступление т.н. «климатического оптимума» (Клименко, 2003, с. 14; Клименко и др., 2012, с. 144).

⁴ Как мы видим, в этом плане ЭКА и ИКГ – понятия равнозначные (Боталов, 2016, с. 468).

⁵ Личные наблюдения автора в течение нескольких лет.

Что и отразилось в незначительности археологически фиксируемых признаков культурных (в широком смысле этого слова) контактов между волжскими булгарами, огузами и печенегами в X–XI вв. В частности, это хорошо прослеживается на материале костюмных комплексов, среди аксессуаров которых ни у печенегов, ни у огузов болгарских элементов практически не выявлено (Иванов, Крыласова, 2006, с. 136–140).

Итак, **некоторые выводы**: как ареалообразующий фактор Волжская Болгария наиболее отчетливо проявляла себя в лесном Прикамье и Среднем Поволжье. Кроме упомянутой выше «Касабе Афкула» в Прикамье, следует ещё упомянуть и о распространенной здесь группе украшений XI–XIII вв., трактуемых как болгарский импорт (Подосенова, 2009, с. 14). Многочисленные изделия болгарского производства – посуда, ювелирные изделия, бронзовые замки – обнаружены и на древнемарийских памятниках IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Никитин, Никитина, 2004, с. 61).

Культурные контакты болгар с прикамско-приуральскими уграми, создателями памятников постпетрогромского типа, фиксируются всеми исследователями, в том числе и в виде широкого расселения «постпетрогромцев» по территории Волжской Болгарии (Гарустович, 2015, с. 184; Казаков, 2007, с. 51–59).

Ничего подобного не наблюдается относительно кочевников Степного Предуралья – огузов и печенегов. Исследователи керамики Волжской Болгарии выделяют в ее составе огузо-печенежскую керамику (керамика IX, X и XIII этнокультурных групп) (Хлебникова, 1984, с. 225–230; Кокорина, 2002, с. 33). Однако ее появление на территории этого государства может быть связано с событиями середины XI в. – нашествием половцев-кипчаков и изгнанием печенегов и огузов из степей Южного Предуралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 32–112.
- Белавин А., Данич А., Иванов В.* Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: ООО «Типография «ЗЕБРА», 2015. С. 101-128.
- Белавин А.М., Иванов В.А.* Население Западного Приуралья в X-XIV вв. // История татар Западного Приуралья. Т.1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. / Ред. Р.С. Хакимов. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 118–127.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Огурдинский могильник. Пермь: ПГГПУ, 2012. 259 с.
- Боталов С.Г.* Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья степного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2016. С. 468–541.
- Гарустович Г.Н.* Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья // УАВ. Вып. 11. Уфа: Гилем, 2011. С. 80–95.
- Гарустович Г.Н.* Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1992. С. 17–31.
- Демкин В.А., Демкина Т.С.* Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. С. 343–368.
- Иванов В.А.* Кочевое население Улуса Джучи // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: ИИ им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 541–551.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. 162 с.
- История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск, 2007. 304 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 2007. 208 с.
- Клименко В.В.* Климат и история в средние века // Восток (Oriens). 2003. №1. С. 5–41.
- Клименко В.В., Мацковский В. В., Пахомова Л. Ю.* Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в средние века // История и современность. 2012. № 2. С. 130–163.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
- Кузеев Р.Г., Иванов В.А.* Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша / Ред. Димитриев В.Д., Прохорова В.А. Чебоксары: ЧувНИИ, 1984. С. 3–22.
- Курманов Р.Г.* Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 175–184.
- Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
- Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2005-2006. №9. С. 40–70.
- Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.

Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеров гос. ун-т, 1984. С. 46–54.

Смирнова О.В., Турубанова С.А. Формирование и развитие восточноевропейских широколиственных лесов в голоцене // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2013. № 118 (2). С. 32–40.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: Фолиантъ, 2006. 583 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарское государство: образование, территория и население. Территория // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. II. Влжская Булгария и Великая Степь. степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006а. С. 132–136.

Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н.э.). М.: НИИ – Природа. Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмиллы (Уфа, Россия); ivanov-sanuch@inbox.ru

REFERENCES

Askeev, I. V., Askeev, O. V., Galimova, D. N. 2009. In Galimova, M. Sh. (ed.). *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti (The Middle Volga Region and the Southern Urals: People and Nature in Prehistory)*. Kazan: "Fen" Publ., 32–112 (in Russian).

Belavin, A., Danich, A., Ivanov, V. 2015. In Fodor, I. (ed.). *Vengry: drevniaia istoriia i obretenie rodiny (Hungarians: Ancient History and the Conquest of the Homeland)*. Perm: "Zebra" Publ., 101–128 (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2016. In Khakimov, R. S. (ed.). *Istoriia tatar Zapadnogo Priural'ia (History of the Tatars of the Western Urals)* I. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 118–127 (in Russian).

Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (The Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: "Vagant" Publ. (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2012. *Ogurdinskii mogil'nik (Ogurdino Burial Ground)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

Botalov, S. G. 2016. In *Arkheologiiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (issues of cultural genesis)*. Series: Ethnogenesis of Ural peoples. Cheliabinsk: "Riphean" Publ., 468–541 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2011. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 11. Ufa: "Gilem" Publ., 80–95 (in Russian).

Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. 181–198. (in Russian).

Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 1992. In Goldina, R. D. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priural'ia (Issues of Ethnic Genesis of the Cis-Urals Finno-Ugric Peoples)*. Izhevsk: Udmurt University, 17–31 (in Russian).

Demkin, V. A., Demkina, T. S. 1999. In Skripkin, A. S. (ed.). *Arkheologiiia Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu bronzovogo, rannego zhelezного vekov i srednevekov'ia (Archaeology of the Volga-Ural Region in the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages)*. Volgograd: Volgograd State University, 343–368 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2016. In Mirgaleev, I. M., Khautala, R. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii (The Golden Horde in world history)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 541–551 (in Russian).

Ivanov, V. A., Garustovich, G. N., Pilipchuk, Ia. V. 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Medieval Nomads on the Border between Europe and Asia)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma)*. (*Interaction of the Forest and Steppe of the Ural-Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials)*). Perm (in Russian).

Ivanova, M. G. 2007. (ed.). *Istoriia Udmurtii: s drevneishikh vremen do XV v. (History of Udmurtia: From Antiquity to the 15th c.)*. Izhevsk (in Russian).

Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Klimenko, V. V. 2003. In *Vostok (Oriens)*. 1. 5–41 (in Russian).

Klimenko, V.V., Matskovsky, V.V., Pakhomova, L.Yu. 2012. In *Istoriia i sovremennost' (History and Contemporaneity)* (2), 130–163 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuzeev, R. G., Ivanov, V. A. 1984. In Dmitriev, V. D., Prokhorova, V. A. (eds.). *Bolgary i chuvashi (The Bulgars and the Chuvash)*. Cheboksary: Chuvashia Research Institute, 3–22 (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 31 (4), 175–184. (in Russian).

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Pastushenko, I. Yu. 2005–2006. In *Finno-Ugrica*. 9, 40–70 (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Archaeology of the Eurasian Steppes)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 46–54 (in Russian).

Smirnova, O. V., Turubanova, S. A. 2013. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii (Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series)* 118 (2). 32–40.

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII – nachala XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th – Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 2006. In *Istoriya tatar s drevnejshih vremen (v semi tomah) (History of the Tatars since ancient times (in seven volumes))*. 2 Kazan: "RukhIL" Publ., 132–136. (in Russian).

Yakimov, A. S., Demkin, V. A., Alekseev, A. O. 2007. *Prirodnye usloviia stepei Nizhnego Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (VIII-XIV vv. n.e.) (Natural Conditions of the Steppes of the Lower Volga Region in the Middle Ages (8th-15th cc. AD))*. Moscow: "Inosfera" Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revoliutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2021 г.
Статья принята к публикации 01.04.2021 г.